

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-529-542

Научная статья / Research article

Интернет-революции или просто фитнес: к десятилетию «арабской весны»

А.М. Васильев^{1,2} , Н.А. Жерлицына^{1,2} ¹ Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация zherlitsyna-na@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена десятой годовщине революционных событий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), получивших название «арабской весны». Актуальность исследования последствий политических трансформаций в арабских странах обусловлена незавершенностью процессов модернизации в таких сферах, как государственное управление, правосудие и права человека. Все это породило недовольство активной части общества, которая стала инициатором протестов. Авторы ставили целью сопоставить причины народных возмущений, способы политической борьбы, роль основных акторов и результаты «арабской весны» для большинства стран, затронутых данным процессом. Особое внимание уделено росту популярности исламистских политических сил, которые дали свои ответы и псевдоответы на острые общественные вопросы. С опорой на методы сравнительного и типологического анализа были изучены особенности различных моделей политического развития ближневосточных и североафриканских стран. За истекший десятилетний период мировая наука накопила значительный пласт исследований, посвященных изучению феномена «арабской весны». Авторы учли широкий спектр мнений ученых из Европы, США, Турции, Израиля и арабских стран. Ставя целью оценить политическую трансформацию региона БВСА за последние 10 лет, данное исследование анализирует изменения в позиции внешних акторов, таких как Россия и США. Авторы приходят к выводу, что влияние США в целом в регионе уменьшилось, а России, Турции, Ирана и Саудовской Аравии возросло. Израилю удалось укрепить собственную безопасность, установив нормальные отношения с рядом арабских государств региона. Народные волнения, вновь вспыхнувшие в Ираке, Ливане, Судане, Алжире, да и в Тунисе в 2018—2021 гг., объективно были вызваны теми же условиями, которые породили «арабскую весну» и пока что с теми же неопределенными результатами.

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка, «арабская весна», авторитаризм, безработица, революция, гражданская война, радикальный исламизм, народные волнения, нестабильность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

© Васильев А.М., Жерлицына Н.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Интернет-революции или просто фитна: к десятилетию «арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 529—542. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-529-542

Internet Revolution or Just Fitna: Towards the Tenth Anniversary of the Arab Spring

Alexey M. Vasiliev^{1,2}, Natalia A. Zherlitsina^{1,2}✉

¹ Institute for African Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
✉ zherlitsyna-na@rudn.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the tenth anniversary of the revolutionary events in the Middle East and North Africa (MENA), called the Arab Spring. The relevance of the study of the consequences of political transformations in Arab countries is due to the incompleteness of the modernization processes in such areas as public administration, justice and human rights, which gave rise to the discontent of the active part of society, which had initiated the protests. The idea of the research was to compare the causes of popular uprisings, the methods of political struggle, the main actors and the results of the Arab Spring for most of the countries affected by this process. Particular attention has been paid to the growing popularity of Islamist political forces, which have given their answers and pseudo-answers to acute societal issues. With the help of comparative and typological analysis, the peculiarities of different models of political development in the Middle East and North African countries have been studied. Over the past decade, world science has accumulated a significant layer of research on the Arab Spring phenomenon. The authors have taken into account a wide range of opinions of scholars from Europe, the United States, Turkey, Israel, and the Arab states. Aiming to assess the political transformation of the MENA region over the past 10 years, this study analyzes changes in the position of external actors such as Russia and the USA. The authors conclude that the influence of the US as a whole in the region has decreased, while the influence of Russia, Turkey, Iran, and Saudi Arabia has increased. Israel has managed to strengthen its own security by establishing normal relations with a number of Arab states in the region. The popular unrest that erupted again in Iraq, Lebanon, Sudan, Algeria, and Tunisia in 2018—2021 was objectively caused by the same conditions that had given rise to the Arab Spring and with the same uncertain results so far.

Key words: Middle East and North Africa, Arab Spring, authoritarianism, unemployment, revolution, civil war, radical Islamism, civil unrest, instability

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 19-18-00155 “Islamist extremism in the context of international security: threats to Russia and opportunities for counteraction”.

For citation: Vasiliev, A. M., & Zherlitsina, N. A. (2021). Internet Revolution or Just Fitna: Towards the Tenth Anniversary of the Arab Spring. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 529—542. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-529-542>

Введение

Арабские революции, потрясшие Ближний Восток и Северную Африку 10 лет назад, получили оптимистическое название «арабская весна», или «фитна»¹. Сейчас оценки западных политологов и СМИ говорят о «провале “арабской весны”», «арабской зиме» и рухнувших надеждах на демократизацию стран региона. С

¹ Фитна — арабский термин, означающий «хаос», «смуту».

ними переключается и большинство пессимистических высказываний самих арабов. Далекая от оптимизма картина включает в себя:

— сохранение и ужесточение авторитарных режимов в Египте и Сирии;

— продолжающиеся гражданские войны в Йемене, Ливии (только приостановленной) и Сирии (только приостановленной);

— распад государственности в Йемене и Ливии, сохраняющиеся угрозы единства Сирии;

— относительная заморозка народных движений в монархиях Марокко, Иордании, Саудовской Аравии, Омане, Кувейте и Бахрейне (под контролем саудовских и эмиратских войск);

— отголоски «арабской весны» в антиправительственных волнениях 2018—2020 гг. в Судане (свержение прежней диктатуры с неясными перспективами), Алжире (смена лиц в руководстве), Ираке и Ливане;

— антиправительственные волнения в Тунисе.

На ситуацию накладывается пандемия, вызвавшая всеобщее падение экономических показателей и усиление жестких мер контроля со стороны властей за обществом.

Видный американский политолог и специалист по Ближнему Востоку Стивен Кук пишет: «Регион стал антиутопией, которую отличает применение насилия, восстановление авторитаризма, экономический упадок, региональные конфликты при том, что нет очевидного выхода из этой ситуации. В первый раз вполне резонно чувствовать безнадежность, оценивая Ближний и Средний Восток»².

Чтобы понять, в чем заключалась «утопия» «арабской весны» и стала ли она «антиутопией» и «безнадежностью», логично обратиться к истокам народных волнений 2010—2011 гг., последующим событиям и их результатам.

Методология

В основу данного исследования итогов «арабской весны» положен структурно-функциональный подход, позволяющий прогнозировать посткризисные социально-политические изменения. Для осуществления качественного анализа в ходе данной работы применен метод экспертных оценок. Выявление особенностей различных моделей политического развития ближневосточных стран потребовало привлечения сравнительного и

типологического анализа, а осмысление целей и реальных приоритетов ближневосточных политических организаций и отдельных личностей происходило посредством критического дискурс-анализа. Авторы учли в работе существенный вклад в изучение заявленной научной и политической проблемы российских, арабских, турецких авторов, а также представителей западной научной школы (Труевцев, 2020; Kepel, 2020; Burns, 2019; Fakihi, Haimoun & Kassem, 2020; Heydemann, 2016; Khatib & Ghanem, 2018; Issaev & Zakharov, 2020; Korotayev & Shishkina, 2020).

Причины протестов

Казалось бы, все сходятся на том, что общей причиной волнений («революций») были репрессии авторитарных режимов, коррупция властей, разрыв между богатством и нищетой, безработица, экономические проблемы. Действительно, все перечисленные проблемы имели место, но арабские авторитарные режимы не числились среди самых репрессивных на Земном шаре, нигде не было голода, экономика развивалась (в Египте накануне волнений ВВП на душу населения возрастал на 4—6 % ежегодно)³. По уровню коррупции арабские страны находились где-то в середине списка, хотя общепринятых показателей не существует, а традиционный для большинства стран региона разрыв между богатством и нищетой сохранился и в начале XXI в.

Конечно, все эти негативные явления к началу второго десятилетия нашего века создавали критическую массу (Steinert-Threlkeld, 2017, p. 388). На нее подействовали дополнительно три фактора: создание «молодежного бугра», то есть резкое увеличение процента молодых людей (самой пассионарной части общества) в результате улучшения здравоохранения 20—30 лет назад, что

² Cook S.A. Arab Dignity Is Real. So Is Arab Failure // *Foreign Policy*. December 17, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/12/17/arab-spring-dignity-is-real-so-is-arab-failure/> (accessed: 12.03.2021).

³ Gordon M. Forecasting instability: The case of the Arab Spring and the limitations of socioeconomic data // *Wilson Center*. February 8, 2018. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/forecasting-instability-the-case-the-arab-spring-and-the-limitations-socioeconomic-data> (accessed: 14.03.2021).

приводило к росту безработицы и отсутствию социальных лифтов для молодежи (Fakih, Naimoun & Kassem, 2020, p. 319). Вторым фактором — правители оставались у власти несколько десятилетий, за это время создавали вокруг себя коррупционные кланы. Третьим фактором — развитие СМИ (телевидения) и информационных технологий (Васильев, Жерлицына, 2019, с. 83). Они обеспечивали взаимосвязь всего арабского мира и показывали другую, более достойную, красивую и материально обеспеченную жизнь, рассказывали об успехах не только европейцев и американцев, но и неевропейских стран — Японии, Южной Кореи, а затем и Китая. Естественно, это вызывало чувство протеста: а почему «у нас, представителей древней цивилизации и носителей самой лучшей религии — ислама, — все не так? Куда уплывает наша нефть? Куда уплывают наши деньги?». Добавим к этому некоторое увеличение цен на продовольствие, что добавляло горечи в ежедневную жизнь обществ.

Нужна была искра для взрыва накопившейся критической массы. Ею стало самоожжение и последующая мучительная смерть 26-летнего тунисца — безработного, у которого отобрали тележку с овощами и при этом оскорбили. Весть о его судьбе и страшной смерти разносили телеканалы и Интернет (Наумов, 2019, с. 121). С протестом против деспотического режима выступили десятки, затем сотни тысяч человек. Режим был сметен. Президент З.А. Бен Али бежал из страны.

Благодаря единому интернет- и медиапространству события немедленно стали известными в регионе «от океана до Залива». Взаимосвязь событий и их общие причины очевидны, но ситуация настолько отличалась от страны к стране, что привело к разным результатам того цунами революций, что пронеслось по арабскому миру.

Тунис — успех или провал?

Первым бенефициаром революции и нестабильности стали исламисты, обладавшие широкой социальной базой и ореолом борцов с режимом. Они победили на выборах 23 октября 2011 г. Их партия «Ан-Нахда» в союзе с

двумя другими партиями сформировала правительство. Но они не смогли решить социальных проблем, справиться с ростом цен на продовольствие, уменьшить безработицу. «Ан-Нахда» вынуждена была отойти от власти, сохранив надежды на будущие успехи (Körpülü, 2020, p. 216).

В 2020—2021 гг. Тунис вновь захлестнули волнения. Объекта ненависти — диктатора и его клана — не было. Однако сохранялась главная причина народного недовольства — высокая безработица. Быстро изменить ситуацию и дать тунисцам работу не смогли несколько последовательно сменивших друг друга правительств. Несмотря на истолкованные мировым сообществом результаты парламентских и президентских выборов как ориентацию Туниса на демократическое развитие, ситуация в стране остается весьма хрупкой. Внутренние вызовы и нерешенные проблемы дополняются вновь возникающими извне угрозами безопасности.

Египет: поражение «Братьев-мусульман» и усиление военных

После 18 дней массовых волнений президент Египта Хосни Мубарак, правивший 32 года, 11 февраля 2011 г. ушел в отставку, но остался в стране. Командование вооруженных сил во главе с министром обороны Хусейном Тантави взяло власть. Х. Мубарака и его сыновей арестовали, как и нескольких министров, якобы замешанных в особо крупных актах коррупции.

Вооруженные силы оставались главной составной частью любого политического руководства страны. После выхода в отставку многие офицеры и генералы занимали важные посты в государственных структурах, правлениях компаний и банков. Бывшие генералы в отставке становились губернаторами.

Второй главной силой в определении нового политического курса страны была Ассоциация «Братьев-мусульман»⁴ — наиболее массовая общественная и религиозная организация. Ее опора — религиозно настроенное

⁴ Организация запрещена в РФ.

население, для которого были чужды лозунги «демократии», «либерализма», «свободных выборов» и т. д. «Братья» проповедовали возвращение «к истинно исламским ценностям», использование шариата в правлении и ежедневной жизни. Их лозунги — «Ислам — вот решение», «Коран — вот наша конституция» (Al-Anani, 2021, p. 43).

Революцию организовало по Интернету молодое поколение 20—30-летних достаточно образованных египтян, представителей среднего класса, которые были настроены оппозиционно к режиму, проповедовали демократические принципы — свободные выборы, свободные СМИ, права человека.

На сравнительно свободных выборах в парламент в ноябре 2011 — начале января 2012 г. политическое крыло ассоциации «Братья-мусульмане» — Партия свободы и справедливости — и ее союзники получили 47 %, то есть почти половину голосов. Представителей интернет-молодежи в Национальном собрании фактически не было. Конституционный суд под давлением военных объявил результаты выборов нелегитимными (Fisk & Cockburn, 2017, p. 134).

Однако на выборах президента в июне 2012 г. с небольшим преимуществом победил представитель «братьев» Мухаммед Мурси. Социально-экономические требования масс не выполнялись, страна бушевала (Solomon & Tausch, 2020, p. 186). «Пути демократии и революции в арабских странах рано или поздно должны были разойтись, и они разошлись», — констатировали российские политологи-эксперты по Ближнему Востоку (Vasiliev, 2018, p. 341).

В обстановке растущего хаоса общество тосковало по сильной руке. Военный переворот, поддержанный Саудовской Аравией, не заставил себя ждать и был осуществлен, «выполняя волю народа». М. Мурси был отстранен от власти 3 июля 2013 г. и арестован. Протесты «братьев» против переворота были подавлены с немалой кровью. Их лидеры оказались за решеткой, в том числе и свергнутый президент М. Мурси, скончавшийся в тюрьме в июне 2019 г.

«Быть избранным демократически — это полдела, надо еще уйти демократически, а

“Братья-мусульмане” не хотели, — считает М.Л. Богданов, видный дипломат-арабист в российском МИДе. — Они довели общество до кризиса. От хаоса и гражданской войны Египет спасли военные. Не очень “демократично”? А что было делать?» (Vasiliev, 2018, p. 348).

Из социально-экономического кризиса авторитаризм вновь вырос в еще более жесткой форме, чем было при президенте Х. Мубараке. Западные СМИ утверждают, что в постреволюционном Египте число политзаключенных доходит до 60 тыс. против 5—6 тыс. при Х. Мубараке⁵.

Перед египетским государством во главе с фельдмаршалом А. ас-Сиси стоят многочисленные трудноразрешимые проблемы: подавить террористов, связанных с ИГИЛ⁶, на Синайском полуострове, и экстремистов из числа «братьев», обеспечить поступательное развитие экономики, которая была загнана в тупик в результате популистских решений, возродить туристический сектор и одновременно попытаться решить водную проблему в связи со строительством Эфиопией платины на Ниле.

Протестная волна, вызванная «эффектом домино» в 2011 г., накатилась на Алжир. Население требовало работы, улучшения условий труда и повышения зарплаты. Власти быстро отреагировали на вспышки массовых волнений, приняв комплекс социальных и политических мер, призванных сбить недовольство.

Массы в 2019 г. стали протестовать против попыток поставить у власти недееспособного к тому времени А. Бутефлику, а фактически — его ближайшее окружение. Протесты в исключительно мирных условиях позволили сменить президента. Это несколько утихомирило волнения, оппозиция получила большую свободу действий. Но принципиальные проблемы — бедности и безработицы — не были решены.

⁵ Hammer J. How Egypt’s activists become “generation jail” // *The New York Times Magazine*. March 14, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/14/magazine/how-egypt-activists-became-generation-jail.html> (accessed: 26.02.2021).

⁶ Организация запрещена в РФ.

Ливия: выстоит ли государственность?

Цунами арабских революций достигло Ливии и переросло в гражданскую войну между оппозицией и сторонниками режима полковника Муаммара Каддафи. В Ливии уровень жизни был достаточно высоким, правительство обеспечивало население многими социальными благами. Но уровень безработицы среди граждан Ливии составил 20,7 %, то есть оказался едва ли не самым высоким среди всех стран региона (Idowu & Oladiti, 2016, p. 113). Молодежь получала образование, но не находила работы. Рос накал неудовлетворенных желаний, чаяний, надежд, амбиций. М. Каддафи и его режим стали объектом яростной информационной войны, были «демонизированы» западными и арабскими каналами.

Среди восставших сразу выделились организации крайних исламистов. Многие из них были подготовлены заранее за границей. Они стали ядром вооруженных групп, успешно захватывали склады оружия. Опираясь на некоторые части армии, на наемников и верные ему племена, М. Каддафи находился в двух шагах от возможности подавить восстание. США и страны НАТО сделали ставку на оппозицию, просто закрывая глаза на реальный характер исламистов.

«Грехи» М. Каддафи на Западе не забыли: в частности, помнили о национализации нефтяных ресурсов — самых крупных в Африке, ликвидации американских и английских военных баз. Исказив суть резолюции Совета Безопасности ООН, вооруженные силы НАТО более семи месяцев с помощью авиационных (около 10 тыс. бомбежек!) и ракетных ударов расчищали путь к военной победе повстанцев (Burns, 2019, p. 162). В войне на стороне оппозиции согласились участвовать ОАЭ и Катар.

После убийства Муаммара Каддафи Ливия распалась на враждующие племена и кланы, исламистские и этнические группировки, просто вооруженные банды. Переходный национальный совет контролировал только небольшую часть страны. Государство фактически прекратило свое существование, не было институтов гражданского общества и

реально действующих государственных структур. Создать их десятком декретов было невозможно, да и декреты вводили жесткие нормы шариата. В 2014 г. началась новая гражданская война между бывшими «революционерами» (Issaev & Zakharov, 2020, p. 59).

К началу третьего десятилетия парламент (Палата представителей) на востоке страны, опиравшийся на Ливийскую арабскую армию во главе с Халифой Хафтаром, захватила большую часть территории страны. Казалось, что армия Х. Хафтара имела достаточный потенциал для того, чтобы занять доминирующее положение и создать свой авторитарный режим. Но в его победе не были заинтересованы не только его противники, но и многие члены коалиции, которую он возглавлял. Одновременно его армия столкнулась с внешним вмешательством. Турция, вставшая на сторону Правительства национального согласия, сначала перебросила туда часть сирийских боевиков, а потом турецкий спецназ, который укрепил военный потенциал триполийского правительства, заставил армию Х. Хафтара отступить и принудил к временному перемирию (Sánchez-Mateos, 2019, p. 474). Но в этот момент Египет, который выступал на стороне Х. Хафтара вместе с ОАЭ и Саудовской Аравией, был готов к вмешательству, что могло вызвать прямое военное противостояние с Турцией. Война в Ливии завершилась шатким перемирием, компромиссом и созданием в марте 2021 г. Правительства национального единства, но имеются большие сомнения, сможет ли оно реально контролировать ситуацию на всей территории страны.

Пока что потенциально одна из богатейших стран Африки со сравнительно небольшим населением, самыми крупными запасами нефти, прекрасным 2000-километровым побережьем и историческими памятниками, которая могла стать притягательной для европейского туризма, находится в экономическом упадке, усугубленном пандемией.

Сирия: конфликт не закончен

Предпосылки протестных взрывов в Тунисе и Египте присутствовали и в Сирии. Коррупция государственного аппарата и

«верхов», авторитарный режим, репрессии вызывали неприятие значительной части «низов». Триада баасистской идеологии — единство, свобода и социализм — обветшала и перестала быть привлекательной. Монополия Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или «Баас») на власть уже не стала восприниматься как необходимость населением страны, открытой внешнему миру и с довольно высоким образовательным уровнем.

Башар Асад и его баасистский режим были неприемлемы для Запада и его местных союзников из-за близких отношений Дамаска с Россией, сотрудничества с Ираном. С помощью информационных технологий он был «демонизирован», как и режим М. Каддафи (Barbera & Jackson, 2020, p. 302). Оппозиция получала оружие, кадры и добровольцев из-за границы. Столкновения с оппозиционными силами приняли характер гражданской войны. Внутри оппозиционных сил верх взяли самые одиозные джихадисты.

Нейтралитет в войне в Ливии показал российскому руководству опасность подобного развития событий в Сирии: ликвидация государственности, раскол страны, бесчинства крайних исламистов, что создает прямую угрозу России. По просьбе Дамаска в 2015 г. Москва вмешалась. Использование военнокосмических сил резко изменило ситуацию в пользу законной власти (Крылов, 2020, с. 119).

Баасистский режим смог восстановить власть над большей частью территории. Однако на северо-западе страны, в провинции Идлиб, контроль находится по-прежнему в руках крайних исламистов, в северной части Сирии турки ввели нечто наподобие оккупационного режима. На северо-востоке существует хотя и не враждебный Дамаску, но как бы независимый, поддерживаемый американцами курдский режим (Korotayev & Shishkina, 2020, p. 301). В южной части этой зоны действуют арабские племена и пока что сохраняются незаконно введенные туда американские войска. Президент США Д. Трамп собирался полностью вывести их из Сирии, а президент Дж. Байден отложил эвакуацию.

Экономика Сирии лежит в руинах. Погибли сотни тысяч граждан, более 5 млн

сирийцев находятся в эмиграции. Для сохранения единства Сирии необходим компромисс в пределах еще не разработанной и не принятой новой конституции, но баасистский режим не может согласиться делить власть с исламистами, а те — с баасистами, и в этом — проблема.

Йемен: внутренний конфликт и внешняя интервенция

Кризис начался и в Йемене, где 33 года правил президент Али Абдалла Салех. Это одна из самых бедных и отсталых арабских стран, с всеильной бюрократией и всеобщей коррупцией. Особую роль играли противоречия между племенами, а также между умеренными шиитскими группировками (зейдитами) и суннитами (Prasanta, 2017, p. 24). Решающая роль принадлежала крупным конфедерациям йеменских племен.

Президент Салех отказался от своего поста в пользу вице-президента Абд Раббо Мансура Хади и примкнул к оппозиции. Менялись союзники и менялись лозунги. Ни одна из проблем, вызвавших восстание 2011 г. в Йемене, не была решена (Shishkina & Issaev, 2017, p. 3).

Наиболее дисциплинированными и боеспособными оказались вооруженные силы организации шиитов-хуситов. В сентябре 2014 — феврале 2015 г. они смогли установить контроль практически над всем Северным и частью Южного Йемена. Хуситы объединились со сторонниками бывшего президента Салеха. А.Р. Мансур Хади в январе 2015 г. бежал из страны, но затем смог закрепиться в Адене при содействии саудовских и эмиратских вооруженных сил. В 2015 г. в войну вмешались вооруженные силы Саудовской Аравии и ОАЭ. В стране, разделенной примерно по прежней границе между Северным и Южным Йеменом, продолжались столкновения.

Монархические арабские режимы: причины устойчивости

В аравийских нефтяных государствах не было достаточного потенциала для революционных взрывов, трансформационные

процессы пока могли протекать эволюционно. В Саудовской Аравии — медленно, в других монархиях, возможно, быстрее. Коренное население в своем большинстве не было настроено антимонархически. Но в качестве превентивной меры саудовский король Абдалла еще в 2011 г. распорядился значительно увеличить расходы на социальные нужды, на них было дополнительно выделено примерно 100 млрд долл. США. Продолжал действовать неписанный «социальный договор»: нефтяные монархии делились частью своего дохода с коренным населением, и оно не вмешивалось в политику и было социальной базой режимов.

Исключением среди арабских монархических режимов стало островное королевство Бахрейн. В стране началось массовое протестное движение шиитов, составляющих большинство населения, против суннитского королевского режима. Правительство Бахрейна пригласило в страну войска из Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, которые подавили волнения.

Свою специфику имели королевские режимы в Марокко и Иордании. Там правили монархи, которые заранее начали сверху проводить кое-какие реформы, вести диалог с мусульманской оппозицией и допустили во власть исламистов. Обе династии считаются прямыми потомками пророка Мухаммеда и пользуются почитанием среди верующих. Правда, бедность населения, нехватка ресурсов, не позволяющие удовлетворить запросы масс, усиливали социальную напряженность, хотя не вызывали антимонархических движений.

В ноябре 2011 г. в относительно свободной обстановке в Марокко прошли выборы в новый парламент, на которых победу одержали исламисты, а в 2016 г. они повторили этот успех. Королевство превратилось в конституционную монархию с избираемым парламентом.

2018—2021: эхо «арабской весны»

Отголоски «арабской весны», во всяком случае ее методов и форм, в 2018—2021 гг. задела другие арабские страны. Мы уже упомянули события в Алжире. Антиправительственные волнения в Судане, проходившие по

схемам «арабской весны», завершились в апреле 2019 г. военным переворотом. Впрочем, как и в других странах, они не означали принципиально новой системы, а просто смену лиц во властных структурах (Eid & El-Desouky, 2021, p. 105). Судан уже был расколот на Север и Юг, регион Дарфур также обладал потенциалом сепаратизма. Конституционная декларация позволила договориться гражданским демонстрантам и военным о последовательной смене руководства страной. Сейчас государство живет в условиях переходного периода, который продлится до 2023—2024 гг. Об отсутствии стабильности свидетельствует и решение о приостановке соглашения с РФ по морской базе, о чем стало известно в начале июня 2021 г.

Ливан события собственно «арабской весны» как бы обошли стороной, но его конфессиональная политическая структура постоянно давала сбой. Пятнадцатилетняя гражданская война 1975—1990 гг. просто оставила страну в застывшем состоянии, но в ней резко усиливалась шиитская военно-политическая составляющая и складывалась перспектива возвращения боевых отрядов «Хезболлы» из Сирии, что укрепило бы влияние шиитов в стране (Makangali et al., 2020, p. 108). Когда Ливан оказался в положении экономического банкрота, которое ухудшилось в результате страшного взрыва в бейрутском порту в августе 2020 г., волнения выплеснулись на улицы. Существенная особенность: протестующие не выдвигали никаких конфессиональных лозунгов, а требовали смены правительства, ликвидации всей политической элиты, построенной на конфессиональной основе. Существующий кризис в социально-экономической и политической сферах еще более усугубился в период пандемии.

Ирак стоял вне событий «арабской весны», но был жертвой суннитского экстремизма в лице ИГИЛ, пережил гражданскую войну. Сохранить государственность помогли срочные поставки вооружения (за плату) из России и организация Корпусом стражей иранской революции шиитского ополчения, которое смогло подавить ИГИЛ вместе

с беспощадными бомбардировками Мосула и других позиций ИГИЛ авиацией США и их союзников.

Новое движение протеста развивалось по опыту «арабской весны», без существенного лидерства, через интернет-технологии. Протестующие уже не верили своей элите, какой бы она ни была, требовали падения правительства. По экспорту нефти Ирак стал вторым государством в ОПЕК после Саудовской Аравии⁷. Но денег не хватало на элементарные социальные услуги. Ситуация говорила о том, что прежний американский псевдоплан после оккупации Ирака в 2003 г. создать «образцовое демократическое государство» привел к расколу страны по этноконфессиональному признаку, к гражданской войне, создал неработающую конституцию.

Социальный протест в Ираке не носил конфессионального характера, но в какой-то степени затрагивал господствующие позиции шиитов во власти и влияние Ирана в Ираке. Тегеран вынужден был очень осторожно и гибко подходить к этим волнениям. США сохраняли инструменты военного давления на Багдад.

Позиция США

Отношение к «арабской весне», последующим событиям и к сегодняшней обстановке у США двойственное.

С одной стороны, в США, во всяком случае в экспертном сообществе, понимали, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке необходимы реформы, но постепенно, сверху, то есть демократизация в рамках союза с Западом.

С другой стороны, Вашингтон считал, что давление снизу через прозападные неправительственные организации тоже окажется эффективным. Силу исламистов в США и западных странах просто игнорировали. Не следует забывать, что в период борьбы с Советским Союзом и антизападными националистическими и левыми режимами Запад

поддерживал исламистов как внутри арабских стран, так и в особенности во время «джихада» против советских войск и просоветского правительства в Афганистане (Vasiliev, 2018, p. 179). И сейчас, если и были какие-то подозрения в адрес исламистов, в Вашингтоне надеялись их «приручить».

Политика двойных стандартов была обычной для Вашингтона, который сотрудничал с лидерами проамериканских режимов, но одновременно помогал неправительственным организациям, давал им соответствующие технологии, готовил будущих активистов. Сейчас об этом не любят вспоминать, но на Западе фактически готовили будущих повстанцев через американский Национальный фонд развития демократии с бюджетом в десятки миллионов долларов США, на деньги предпринимателя Джорджа Сороса, а также через сеть неправительственных организаций. В данном случае преследовалась цель «демократизировать по-американски» весь мир, в том числе и Ближний Восток, в котором, естественно, лидирующую роль должны играть США и западные страны, что превращало их правительства в пленников собственной пропаганды и идеологии (Koehler, 2017, p. 371). Так, если перед началом «арабской весны» авторитарные лидеры Туниса и Египта считались союзниками США, то когда стала очевидна неизбежность революций, американские власти, не сомневаясь, отказали в поддержке З.А. Бен Али и Х. Мубараку.

Главная слабость такого подхода заключалась в том, что у революций и народных движений была своя логика, свои цели и инструменты. США были настроены резко отрицательно по отношению к режиму Б. Асада. Они прислушивались к призывам своих союзников, особенно с Аравийского полуострова, «пробомбить» оппозиции путь к власти. Но увидев, что эта оппозиция реально представляла силы «Аль-Каиды»⁸ или террористов из ИГИЛ, начали военную операцию против нее, косвенно поддержав тем самым режим Б. Асада. Однако после разгрома самых одиозных террористов США предприняли усилия, чтобы вызвать новые волнения,

⁷ Iraq facts and figures // Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). URL: https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/164.htm (accessed: 10.02.2021).

⁸ Организация запрещена в РФ.

не допустить возвращения беженцев, в конечном итоге в целях свержения Б. Асада и замены его одну из своих марионеток. Одновременно они прямо поддерживали сепаратистские настроения курдов, вызывая гнев Анкары.

Если США хотели в своих интересах как-то использовать исламистов, то исламисты стремились использовать США. «Братья-мусульмане» в период нахождения у власти в Египте действительно делали серьезные жесты, удовлетворяющие Запад, не только сохранив мирный договор с Израилем, но и помогая временно урегулировать отношения между Газой, где у власти находился палестинский филиал «братьев», и Израилем. Однако одновременно вопреки сопротивлению США и Саудовской Аравии они урегулировали отношения с Ираном.

Позиция России

Россия с самого начала событий «арабской весны» предпочитала оставаться от них в стороне, считая, что народы сами должны решать свои проблемы. Москва была ориентирована на расширение политического диалога с этими странами, выработку общего мнения относительно региональных и мировых проблем, а также продвижение взаимовыгодных проектов в экономической сфере.

В России сложились две разные точки зрения на «арабскую весну» и последующие события.

Первая гласила, что они вызваны, прежде всего, внутренними социально-экономическими, психологическими и другими причинами.

Согласно второй точке зрения, распространённой не только в российских СМИ, но и в правительственных структурах, «арабская весна» была частью «теории заговора». Логика была такая: США поддерживали антироссийские «цветные революции», а затем по их сценарию стали разворачиваться события «арабской весны». А дальше стояла задача провести подобные же «цветные революции» в самой России, чтобы добиться ее дезинтеграции. После событий в Ливии и натовского военного вмешательства, которое привело к

развалу страны, усилению исламистских сил в самой Ливии и распространению конфликта на близлежащие страны, в России сочли невозможным оставаться вне конфликта в Сирии (Vasiliev, 2018, p. 321). Североафриканской стране грозила утрата ее государственности, раскол, распространение войны за пределы ее территории, усиление международного терроризма, направленного, в частности, и против России. В последние годы РФ выступает за урегулирование конфликтов в Сирии и Ливии, недопущение кровопролития, налаживание конструктивного взаимодействия с теми государствами, где обеспечена стабильность (Египет, Алжир, Марокко и др.).

Подводя итоги

Арабский регион в целом «от океана до Залива» оказался отброшенным на периферию современного мира в результате потрясений «арабской весны», гражданских войн, внешнего военного вмешательства, экономического застоя и роста безработицы в связи с демографическими проблемами. Ожидать какого-либо прорыва в среднесрочной перспективе вряд ли возможно. Пандемия повсеместно привела к падению ВВП и одновременно усилила контроль властей над населением.

К началу третьего десятилетия XXI в. ситуация в арабских странах такова: государственность Ливии была разрушена, в Йемене — частично разрушена, существенно ослаблена в Ираке и Сирии. Египет перестал быть региональным лидером, видимо, временно. А полноценным лидером региона Саудовская Аравия стать не смогла.

Возвращаясь к хлесткому определению Ближнего Востока и Северной Африки как «антиутопии», данному С. Куком, следует уточнить, что подразумевать под несостоявшейся «утопией». Естественно, утопией были надежды западных СМИ и попавших в ловушку собственных идеологий западных правительств на создание в регионе «демократических» режимов по западным лекалам, которое должно было привести к стабильности, социальному миру, экономическому развитию и сохранению господства США и других стран Запада в регионе.

Сохранились все объективные условия, которые сложились в начале «арабской весны» для революций: авторитаризм большинства режимов, разрыв между богатством и нищетой, коррупция, безработица. Пандемия нанесла дополнительный удар по экономике региона, и так подорванной событиями, которые последовали за «арабской весной». ВВП в регионе упал в 2020 г. почти на 5 %, а в некоторых отсталых, разбитых гражданскими войнами странах, еще больше⁹. Тяжелейший удар нанесен по туризму и переводам мигрантов, в основном из нефтяных государств Персидского залива. «Молодежный бугор» в арабских странах вырос, так как быстрый демографический рост продолжился, что приводит к растущей безработице и нищете, особенно в неформальном секторе. Миллионы людей мигрировали из Сирии или стали перемещенными лицами внутри своей страны. Ливия стала воротами нелегальной миграции из Африки в Европу.

Если раньше главным лозунгом масс было требование сместить режимы, то сейчас требование работы стоит на первом месте. В Египте каждый год прибавляется 700 тыс. рабочих рук, которым нужны занятия. По оценкам ООН, к 2030 г. в регионе нужно создать от 60 до 100 млн добавочных рабочих мест¹⁰. И это в условиях, когда в мире в целом уменьшается спрос на рабочую силу, особенно неквалифицированную, в результате автоматизации, цифровизации, роботизации экономик, развития информационных технологий. Так было до пандемии, а сейчас эта тенденция еще больше усилилась. Рабо-

чие места не появляются, а это означает рост численности отчаявшихся.

Политические лозунги «арабской весны»: свержение правительств, выборы, свободы и т. д. — скрывали главное: желание масс улучшить свое материальное положение, получить возможности для социального продвижения, добиться прекращения репрессий, которые стали невыносимыми. Последовавший хаос и упадок породили тоску по сильной руке в крепком режиме. Наличие авторитарных режимов и их более жестких методов — это факт, а в условиях пандемии эта тенденция еще более усилилась. Правительства увеличили контроль над гражданами, органы безопасности получили большую свободу, происходят локдауны, чрезвычайные ситуации, аресты, специальные ограничения на свободу собраний под предлогом пандемии.

Заключение.

Ждать ли следующей «весны»?

Народные волнения в Ираке, Ливане, Судане, Алжире, а также в Тунисе в 2018—2021 гг. объективно были вызваны теми же условиями, которые породили «арабскую весну», и пока что с теми же неопределенными результатами. Надежды на демократические преобразования по западным лекалам, несомненно, были утопией, хотя сожаления о неудавшемся «демократическом транзите» характерны больше для западной политологии и СМИ (Gilbert & Mohseni, 2020, p. 203).

События в регионе имели свою логику и шли по своим законам. В арабском обществе выросли силы исламистов, которые давали свои ответы и псевдоответы на острые общественные вопросы, выдвигая свои способы их решения на основе по-своему понятых общественно-политических задач.

Восстановление авторитаризма показывает, что в таких социально-экономических условиях даже поверхностные формы демократии вряд ли появятся (Tkachenko & Tkachenko, 2020, p. 25). Как показали прошедшие годы, существующие проблемы могут снова породить массовые радикальные

⁹ Soubbotina T., Sheram K. Beyond economic growth: Meeting the challenges of global development // The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. New York, 2020. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/408121468149372828/pdf/806610PUB0Beyo00Box379809B00PULBI C0.pdf> (accessed: 11.01.2021).

¹⁰ MENA Investing in children and youth today to secure a prosperous region tomorrow. The report of UNICEF Headquarters and the Regional Office for the Middle East and North Africa // United Nations Children's Fund (UNICEF). April 2019. URL: <https://www.unicef.org/mena/media/4141/file/MENA-Gen2030.pdf> (accessed: 23.03.2021).

исламистские движения, которые давали видимость ответа на вызовы и вербовали сторонников. Несмотря на разгром ИГИЛ в Ираке и Сирии и существенное ослабление «Джабхат ан-нусры» («Хайат тахрир аш-Шам»)¹¹, они могут существовать в новых формах и с новыми лозунгами, апеллируя к сердцам верующих, загнанных в социально-экономический тупик. Поэтому перед любым режимом стоит вопрос, как обеспечить рабочие места, потому что это «как раз то, что народ хочет».

Что касается молодежи как выразителей устремлений умеренно-светской части среднего класса, опьяненной западными лозунгами демократии, то они хотели бы получить плоды демократии, а не ее саму. Менталитет, цивилизационные традиции, структура общества Ближнего Востока и Северной Африки в целом плохо сочетаются с западными ценностями. Максимально схематизируя, можно сказать, что демократия была постепенно сложившейся формой политического существования западного общества (Западной Европы и Северной Америки), сформировавшейся, по крайней мере, за 200 лет — с конца XVIII в., а скорее всего, и со времен Реформации. Молодые арабские революционеры мечтали одномоментно получить современные политические и социальные блага западных обществ, но в реальности оказались во всех странах, включая Тунис, на обочине политической жизни.

Влияние США в целом в регионе уменьшилось, а России, Турции, Ирана и Саудовской Аравии — возросло. Но за этот успех всем четырем странам приходится платить достаточно высокую экономическую цену. Хотя говорить об особом «успехе» Саудовской Аравии, учитывая провальную войну в Йемене, временный, хотя и как будто бы преодоленный раскол в ССАГПЗ, вряд ли можно.

¹¹ Организация запрещена в РФ.

Сейчас бенефициаром как на региональном, так и на мировом уровне выглядит Израиль. Этому способствовало не только сохранение мира с Египтом и Иорданией, но и подписание договоров о мире с Бахрейном и Объединенными Арабскими Эмиратами. Арабский мир фрагментирован настолько, что никакой угрозы безопасности для Израиля не представляет. Палестинцы опять отодвинуты в сторону, но как жертвы проводимой израильским руководством политики остаются бомбой замедленного действия. Доказательством этого являются начавшиеся в мае 2021 г. столкновения силовых структур Израиля с палестинскими протестными манифестациями и взаимные обстрелы Израиля и сектора Газа.

Не следует говорить о провале «арабской весны» без оговорок. Сила народных движений показала, что автократы могут быть сильны, могут уходить и возвращаться, производить впечатление порядка и стабильности. Речь идет о том, какими временными периодами оценивать общественно-политические изменения. Многие вспоминают сказанный то ли в шутку, то ли с глубоким философским смыслом ответ Чжоу Эньлая на вопрос французского корреспондента, как он оценивает итоги Великой французской революции, состоявшейся как раз за 200 лет до этого интервью. Чжоу Эньлай отметил: «Еще рано делать выводы»¹².

Оценивая перспективы огромного региона, не следует быть ни пессимистами, ни оптимистами, а просто реалистами. Чтобы оценить масштаб и направление перемен, потребуется гораздо более продолжительный период, чем одно десятилетие.

¹² Лукин В. Личность, время, культура, судьба. К выходу книги Юрия Карякина «Перемена убеждений (От ослепления к прозрению)» // Независимая газета. 2008. 25 марта. № 60.

Библиографический список / References

- Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция СМИ в странах Северной Африки после кризиса «арабской весны» // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 1. С. 81—95. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(1).81-95 [Vasiliev, A. M., & Zherlitsina, N. A. (2019). Evolution of the media in North Africa countries after the crisis of the Arab Spring. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 8(1), 81—95. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(1\).81-95](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(1).81-95)]
- Крылов А.В. Последствия гражданской войны в Сирии и пути их преодоления // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 114—125. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-114-125 [Krylov, A. V. (2020). Consequences of the civil war in Syria and ways of overcoming them. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(9), 114—125. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-114-125>]
- Наумов А.О. Использование технологий «мягкой силы» при смене политических режимов в ходе «арабской весны» (на примере «жасминовой революции» в Тунисе) // Международные отношения. 2019. № 1. С. 114—128. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.1.23575 [Naumov, A. O. (2019). The use of ‘Soft Power’ technologies against the change in political regimes during the Arab Spring (the case study of the Jasmine Revolution in Tunisia). *International relations*, (1), 114—128. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.1.23575>]
- Труевцев К.М. Поворот 2019: продолжение «арабской весны» или начало новой парадигмы политического развития? // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 96—105. DOI: 10.31857/S086919080009103-0 [Truevtsev, K. M. (2020). 2019 Turn: The new stage of the “Arab Spring” or start of the new paradigm of political development? *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost'*, (2), 96—105. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086919080009103-0>]
- Al-Anani, K. (2021). *Islamism and revolution across the Middle East: Transformations of ideology and strategy after the Arab Spring*. London: I.B. Tauris.
- Barbera, S., & Jackson, M. O. (2020). A model of protests, revolution, and information. *Quarterly Journal of Political Science*, 15(3), 297—335. <http://dx.doi.org/10.1561/100.00019002>
- Burns, S. (2019). *Revolts and the military in the Arab Spring: Popular uprisings and the politics of repression*. London: I.B. Tauris.
- Eid, M., & El-Desouky, A. (2021). *Cultural production and social movements after the Arab Spring: Nationalism, politics and transnational identity*. London: I. B. Tauris.
- Fakih, A., Haimoun, N., & Kassem, M. (2020). Youth unemployment, gender and institutions during transition: evidence from the Arab Spring. *Social Indicators Research*, 150(1), 311—336. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02300-3>
- Fisk, R., & Cockburn, P. (2017). *Arab Spring then and now: From hope to despair*. London: Independent Print Limited.
- Gilbert, L., & Mohseni, P. (2020). NGO laws after the colour revolutions and the Arab Spring: Nondemocratic regime strategies in Eastern Europe and the Middle East. *Mediterranean Politics*, 25(2), 182—214. <https://doi.org/10.1080/13629395.2018.1537103>
- Heydemann, S. (2016). Explaining the Arab uprisings: Transformations in comparative perspective. *Mediterranean Politics*, 21(1), 192—204. <https://doi.org/10.1080/13629395.2015.1081450>
- Idowu, A. S., & Oladiti, A. A. (2016). The forces of globalisation and the Arab Spring in modern Libya. *Journal of Globalization Studies*, 7(1), 112—123.
- Issaev, L., & Zakharov, A. (2020). Decentralization in Libya after the Arab Spring. *Middle East Policy*, 27(1), 56—70. <https://doi.org/10.1111/mepo.12474>
- Kepel, G. (2020). *Away from chaos: The Middle East and the challenge to the West*. New York: Columbia University Press.
- Khatib, I., & Ghanem, A. (2018). Diffusion in the Arab world: Turkey and Iran as models of emulation on the eve of the Arab Spring. *Insight Turkey*, 20(2), 223—250. Retrieved from <https://www.insightturkey.com/file/909/diffusion-in-the-arab-world-turkey-and-iran-as-models-of-emulation-on-the-eve-of-the-arab-spring>
- Koehler, K. (2017). Political militaries in popular uprisings: A comparative perspective on the Arab Spring. *International Political Science Review*, 38(3), 363—377. <https://doi.org/10.1177/0192512116639746>
- Köprülü, N. (2020). The paradox of inclusion/exclusion of Islamist parties in Tunisia and Jordan after the Arab uprisings: A comparative study. *Insight Turkey*, 22(1), 211—236. <https://doi.org/10.25253/99.2019EV.03>
- Korotayev, A. V., & Shishkina, A. R. (2020). Relative deprivation as a factor of sociopolitical destabilization: Toward a quantitative comparative analysis of the Arab Spring events. *Cross-Cultural Research*, 54(2—3), 296—318. <https://doi.org/10.1177/1069397119882364>

- Makangali, B., Amirbekova, S., Khamitova, M., & Baydarov, E. (2020). Religious aspects of the Syrian crisis on social media. *Central Asia and the Caucasus*, 21(1), 102—111. <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.1.10>
- Prasanta, K. P. (2017). *Arab Spring and sectarian faultlines in West Asia: Bahrain, Yemen and Syria*. New Delhi: Pentagon Press.
- Sánchez-Mateos, E. (2019). Internal dystrophy and international rivalry: The (de)construction of Libyan foreign policy. *The Journal of North African Studies*, 24(3), 468—489. <https://doi.org/10.1080/13629387.2018.1454653>
- Shishkina, A., & Issaev, L. (2017). From Fitnah to Thaura: The metamorphosis of the Arab-Muslim protest movements. *Religions*, 8(9), 1—9. <https://doi.org/10.3390/rel8090193>
- Solomon, H., & Tausch, A. (2020). The demise of the Muslim Brotherhood in the Arab world? *Jewish Political Studies Review*, 31(1/2), 171—209. Retrieved from <https://jcpa.org/article/the-demise-of-the-muslim-brotherhood-in-the-arab-world/>
- Steinert-Threlkeld, Z. C. (2017). Spontaneous collective action: Peripheral mobilization during the Arab Spring. *American Political Science Review*, 111(2), 379—403. <https://doi.org/10.1017/S0003055416000769>
- Tkachenko, A. A., & Tkachenko, K. A. (2020). The renovation processes in the Middle East and North Africa in the 21 century. *Asia and Africa Today*, (6), 21—28. Retrieved from <https://asaf-today.ru/s032150750009874-3-1/>
- Vasiliev, A. (2018). *Russia's Middle East policy: From Lenin to Putin*. London: Routledge.

Сведения об авторах: *Васильев Алексей Михайлович* — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; заведующий кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0372-9775; e-mail: vasilyev-am@rudn.ru
Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; доцент кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8647-9419; e-mail: zherlitsyna-na@rudn.ru

About the authors: *Vasiliev Aleksey Mikhailovich* — PhD, Dr. of Sc. (History), Academician, Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Head, Department of African and Arab Studies, RUDN University; ORCID: 0000-0002-0372-9775; e-mail: vasilyev-am@rudn.ru
Zherlitsina Natalia Aleksandrovna — PhD in History, Leading Research Fellow, Center for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of African and Arab Studies, RUDN University; ORCID: 0000-0001-8647-9419; e-mail: zherlitsyna-na@rudn.ru